

ДА ЗДРАВСТВУЕТЬ
РЕСПУБЛИКА!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 30 К. И НА СТ. 35 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

306H
1917N

САТИРИКОН

№ 14

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

АПРѢЛЬ

Рис. Ре-ми.

ПРОДАЖА РОССИИ ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Какъ жили и работали нѣкоторыя „великія княгини“.

— Какъ, ваше величество?! Вы находите миллионъ рублей за планъ этой крѣпости дорого?! Но вѣдь не забывайте, что я продаю вамъ самое дорогое для меня — нашу милую Россію...

ЖЕРТВА НОВАГО СТРОЯ.

Матильда Киесинская: — Мои близкія отношенія къ старому правительству давались мнѣ легко: оно состояло всего-на-всего изъ одного человѣка. А что же я буду дѣлать теперь, когда новое правительство — Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ — состоитъ изъ 2000 человѣкъ?!

ЧТО Я ОБЪ ЭТОМЪ ДУМАЮ.

I.

Сегодня, перебирая бумаги на письменномъ столѣ, я нашелъ совсѣмъ свѣжую, еще не успѣвшую пожелтѣть по краямъ бумажку, на которой было изображено печатно и отъ руки слѣдующее:

Дѣло 1916 г. № 22.

Подлежитъ выдачѣ.

ПОВѢСТКА.

Аркадію Тимофѣеву Аверченко. Жител. Петроградъ, ул. Гоголя д. № 9. Судебный слѣдователь 1 уч. Челябинскаго уѣзда вызываетъ въ камеру свою, находящуюся въ г. Челябинскѣ, Азіатская ул., д. Стегалова, на 28 число февраля 1917 года къ 12 час. утра въ качествѣ обвин. по дѣлу по обвин. Васъ по 1535 ст. уложен. о наказан. для примирительнаго разбирательства.

И. д. Судебнаго Слѣдов. *Сировъ.*

И тутъ я только впервые ясно почувствовалъ что именно такое совершилось...

Вотъ вамъ совсѣмъ свѣжая бумажка, которая беретъ меня за шиворотъ и тащитъ въ Челябинскъ на Азіатскую улицу по капризу — кого? Какого-то челябинскаго исправника, о которомъ я на страницахъ «Новаго Сатирикона» не совсѣмъ почтительно отозвался.

И я долженъ былъ бы, обязанъ былъ бы — бросить всѣ свои дѣла и скакать, сломя голову, въ далекую Сибирь только потому, что какой-то совершенно неизвѣстный мнѣ « царскій слуга » — можетъ быть, полуграмотный, можетъ быть, пьяница и неумный — обидѣлся на меня и рѣшилъ задѣть столичному журналисту перцу.

Вотъ эта бумажка передо мной. Пожалуйста, господинъ

Аверченко, на сибирскій экспрессъ и скачите въ городъ Челябинскъ, Азіатская улица, домъ Стегалова.

Хорошъ я былъ бы, дѣйствительно, если бы потащился на Азіатскую улицу, домъ Стегалова.

Бумажка совсѣмъ свѣжая, а что она сейчасъ такое? Гдѣ теперь «по указу Его Величества»? Гдѣ теперь этотъ строгій исправникъ? Гдѣ ты, голубчикъ? Болтаешься ли ты, замерзшій, задеревенѣвшій совсѣмъ, съ выкатившимися глазами на какомъ-нибудь челябинскомъ деревѣ иждивеніемъ и хлопотами скорыхъ на руку челябинцевъ, или пощадилъ они тебя, давши легкаго разѣ въ спину, и пошелъ ты по кипящимъ народомъ улицамъ, вздѣвъ въ розетку красную петлицу и снисходительно прикладывая дрожащую руку къ козырьку при первыхъ же звукахъ бодрой революціонной «Марсельезы».

И, можетъ быть, попадетъ тебѣ въ руки этотъ номеръ журнала, а ты прочтешь все о тебѣ написанное и покрутишь скорбно толстой, красной, въ складкахъ шей: «Эхъ, жаль ушелъ ты, Аверченко, изъ моихъ рукъ. Ужъ показалъ бы я тебѣ, голубчику, какъ на исправниковъ гадости взводить! Лучины бы я изъ тебя нащипалъ, изъ Аверченко!»

Господа читатели! Да вѣдь что же это такое, а? Вѣдь совсѣмъ еще свѣжая бумажка, а я республиканецъ, и мнѣ начихать на всѣхъ исправниковъ настоящаго, прошедшаго и будущаго!.. Да, что исправниковъ! Губернаторовъ громко и смѣло посылаю ко всѣмъ чертямъ! Ур-ра! Я, можно сказать, такой человѣкъ, что я и царя нашего Николая Александровича Романова, всероссійскаго самодержца, презираю и считаю его форменнымъ ничтожествомъ.

Смотрите, въ какое я неожиданное оживленіе пришелъ, и почему бы, кажется? Повѣсточку еще совсѣмъ свѣжую, не тронутую тлѣномъ и червями, на письменномъ столѣ раскопалъ. И возрадовался духъ мой, и заскакалъ я, аки козелъ на зеленой лужайкѣ.

Странно: и войска я видѣлъ, идущія съ красными знаменами къ Государственной Думѣ, и студентами милиціонерами, вмѣсто полиции, на перекресткахъ любовался, и статьи, обличающія бывшую царицу, какъ предательницу русскаго народа, читалъ, а все это какъ-то скользило по моей поверхности, не задѣвая сознания, не задѣвая того, что плотно и убористо во мнѣ слежалось, въ одну монолитную массу за 36 лѣтъ моей жизни.

И вдругъ — на пустякъ, на бумажкѣ величиной въ ладонь — dospѣлъ, дозрѣлъ я. И тутъ же разъ навсегда почувствовалъ и ахнулъ:

— Господи, Боже мой! Да вѣдь свободенъ я! Въ какое же время я живу, Господи силь!

И раскрылись какія-то двери, и хлынулъ веселый розовый потокъ, затопившій сознание до краевъ:

— Я—полномочный русскій гражданинъ, равный среди равныхъ, сынъ нашей Великой Россіи! Что, Николай Александровичъ! Не угодно ли принять вамъ сей финижъ?

II.

Странное дѣло: я не знаю почему, но чаще, чѣмъ нужно, мои мысли обращаются къ бывшему царю.

Я о немъ много думаю, часто онъ снится мнѣ по ночамъ, А вѣдь лично мы не были знакомы. Не были знакомы домами, какъ говорится.

И вы знаете, что меня больше всего пугаетъ и что заднимъ числомъ щемитъ мое сердце?

Вотъ. Мнѣ какъ-то заднимъ числомъ страшно, что Николай Александровичъ, сидя на тронѣ былъ—не настоящимъ императоромъ всея Руси, а самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, вотъ такимъ, какъ мы съ вами, какъ прохожій, который сейчасъ промелькнулъ мимо моего окна, помахивая тросточкой и постукивая скрипящими глянцевыми галошами. Можетъ быть, его идеаль, этого самого Николая Александровича—играть въ винтъ по сотой, разводить въ саду на дачѣ цвѣточки, и, приѣхавъ съ дачи на службу въ Петроградъ (онъ долженъ служить помощникомъ столоначальника въ департаментѣ), пойти вечеромъ на Невскій, найти тамъ ночную фею и, пригласивъ ее куда-нибудь на Караванную, измѣнить боязливо и робко своей сварливой властной, но увядшей уже отъ заботъ и возни съ дѣтишками женѣ.

Можетъ быть, онъ—бывшій царь этотъ—по характеру и всему складу своему—вотъ именно такой человѣкъ! Но тутъ мнѣ и хочется завопить:

— Позвольте! Да въ чемъ же дѣло? Какъ же допустили этого Николая Александровича Перетыкина (не будь у него фамилія Романовъ — было бы что-нибудь въ родѣ этого), какъ же допустили его ходить въ горностаевой мантии и давать царствующимъ особамъ и посламъ аудіенціи.

Почему у Перетыкина горностаева мантия, когда и ему и другимъ удобнѣе было бы, если бы на его плечахъ болталось демисезонное пальто, за столомъ красовалась кулебяка съ ливегомъ, по воскресеньямъ, и къ вечеру собиралось бы общество Флегонта Петровича Чайкина и Василь Семеныча Трепакова — его сослуживцевъ по департаменту!

Кто допустилъ такую ошибку, кто облекъ Перетыкина въ мантию и возвелъ его на тронъ?!

Какое повальное безуміе! Какое длительное безуміе.

Какъ же онъ царствовалъ, Николай Александровичъ Перетыкинъ? Какое онъ имѣлъ право? Вѣдь онъ не профессиональ! Какъ мы, всѣ еще не погибли отъ его правленія?!

Вѣдь это ежели взять съ улицы прохожаго Флегонта Петровича Чайкина да посадилъ его капитаномъ на броненосецъ, да сказать: «Вези насъ! правъ! Дѣйствуй!» — такъ вѣдь онъ, Флегонтъ этотъ, насъ на такую скалу напоретъ, что и духу отъ броненосца и отъ насъ не останется.

А вѣдь тутъ не броненосцемъ пахнетъ, которому и цѣна-то вся миллионъ двадцать! Тутъ огромная, сложнѣйшая, разноязычная Россія, съ запутанной славянской психологіей, бытомъ и тончайшимъ механизмомъ народнаго хозяйства.

Флегонтъ, милый! Какъ ты попалъ на тронъ!? Нелегкая тебя занесла сюда.

И теперь мы всѣ, какъ гоголевскій городничій, очнувшись отъ этого навожденія, можемъ только за голову схватиться.

— И мы тоже хороши! Сосульку, тряпку принять за госудаственнаго человѣка!

Чтобъ не быть голословнымъ, я предложу вамъ прослѣдить все его поведеніе.

поведеніе этого «царя» со дня отреченія отъ престола. Развѣ такіе цари бывають?

Ему Гучковъ, волнуясь и спотыкаясь (еще бы! Богиня Кліо переворачиваетъ страницу міровой исторіи), доказываетъ, что ему нужно отречься отъ престола, а онъ? Проявилъ ли онъ хоть какое-нибудь величіе тирана, обронилъ ли онъ хоть одну историческую фразу? Неронъ, погибая, воскликнулъ: «Какой великій артистъ погибаетъ!» Какія же слова вырвалъ у Николая только что происшедшій міровой катаклизмъ?

Говорятъ: сидѣлъ онъ и поглаживалъ карандашемъ усъ. А потомъ, молча, подписалъ отреченіе и сказалъ уже послѣ:

— Ну, и ладно. Поѣду въ Ливадію, буду цвѣточки разводить.

Какой же это царь? Это Флегонтъ Семенычъ Перетыкинъ. Дали человѣку долгосрочный отпускъ съ сохраненіемъ оклада — и прекрасно. Кивнулъ головой и зажилъ дальше.

Теперь я часто лежу ночью съ открытыми глазами и все думаю, думаю:

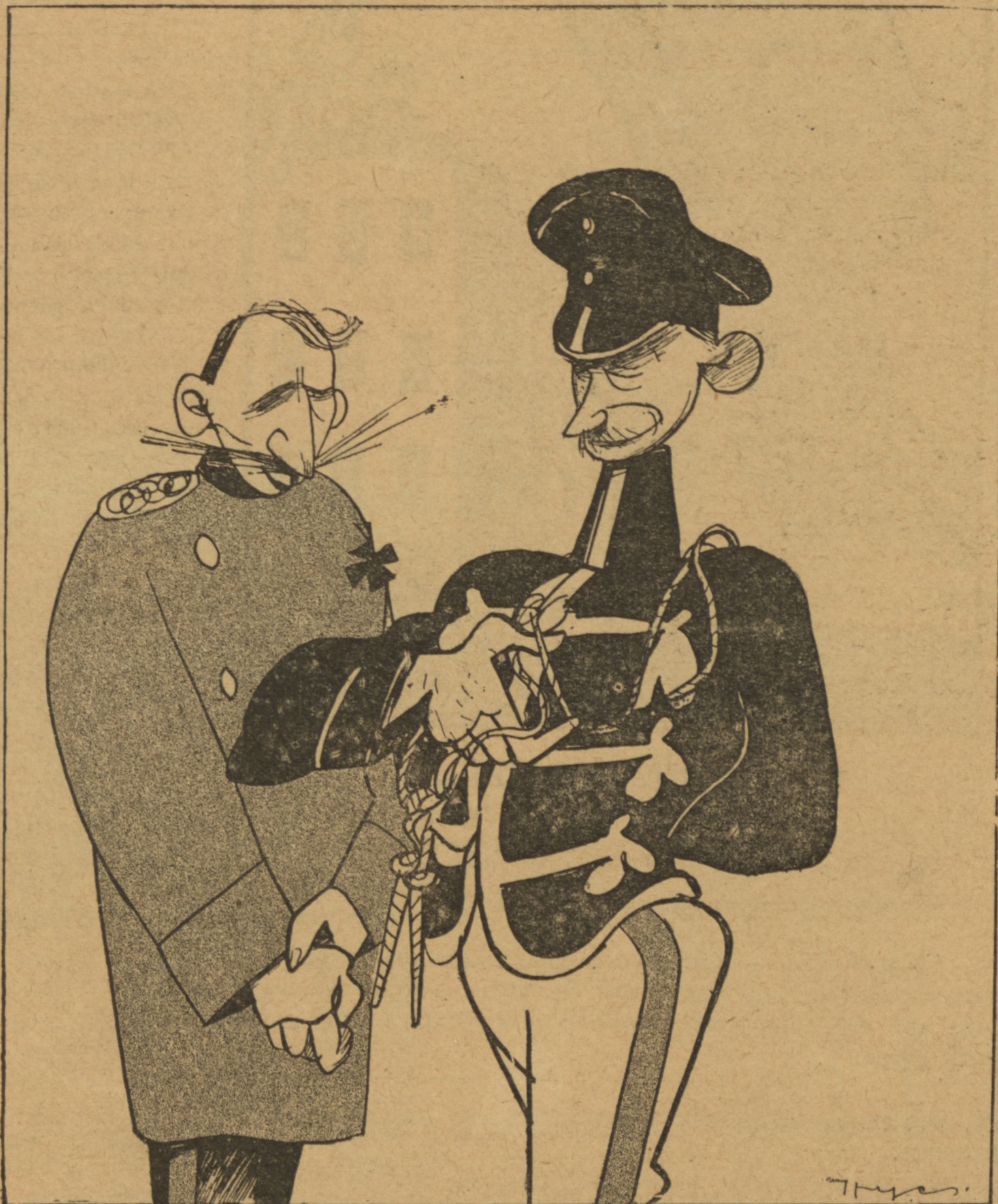
«Что этотъ человѣкъ сказалъ, когда былъ доставленъ, послѣ ареста въ царскосельскій дворецъ, и впервые (вы понимаете? — впервые послѣ лишенія многолѣтней самодержавной надъ всея Россіей власти) остался наединѣ со своей женой Александрой Федоровной. Какковы были его первыя слова?

Ахъ, почему никто не подслушалъ ихъ разговора, вѣдь это же историческія слова!

И совершенно не желая зубоскалить, а относясь къ этому вдумчиво и пытливо, могу я предположить, что разговоръ этихъ царственныхъ особъ былъ такой.

... Николай, опустивъ голову и заложивъ руки за спи-

Рис. К. Груса.

ЛИШИЛИСЬ ХОРОШАГО РЫНКА...

Вильгельмъ: — Послѣ войны со сбытомъ нѣмецкаго товара будетъ неладно...

Кронпринцъ: — Какого товара, папаша?

Вильгельмъ: — Русскихъ царицъ. Вѣдь до революціи первыми мы поставщиками были!..

Рис. А. Радакова.

ПОСЛѢДНЕЕ УТѢШЕНІЕ.

„Въ Кіевѣ сбросили съ пьедестала памятникъ П. А. Столыпину, поднявъ его краномъ на желѣзныхъ цѣпяхъ за шею...
(Изъ газетъ.)

Столыпинъ: — Какъ эго улачно вышло, что я свой „столыпинскій“ галстукъ примѣнялъ къ другимъ еще при жизни, а на мнѣ его примѣнили только спустя нѣсколько лѣтъ послѣ моей смерти...

ну, медленно вошелъ въ комнату, гдѣ его дожидалась императрица.

Увидѣвъ его, она встала, сдѣлала два шага и остановилась. Такъ простояли они другъ противъ друга съ минуту, молча, даже не поздоровавшись.

— Ну-съ, — молвилъ, наконецъ, государь. — Довольна? Допрыгалась.

Александра Федоровна всплеснула руками и вскричала возмущеннымъ, срывающимся голосомъ:

— Ахъ, я?! По-твоему, значить, я виновата? Такъ, такъ... Вали ужъ на меня, вали. Это на тебя очень похоже.

— А что же я, по-твоему, виновать?

— Нѣтъ не ты? Сосѣдъ виновать, да? Вильгельмъ? Извольте видѣть, какой кроткой овцой прикидывается. Тоже царь выискался. Хм! Какой же ты царь, если не учель, не почувствовалъ даже настроенія народа? «Гвардія меня обожаетъ, войско меня любитъ, чуть не боготворить!» Вотъ тебѣ и добоготворились!

— Ну, ты, матушка, ужъ помолчала бы лучше! Это твой Гришка все надѣлалъ... Доняньчилась съ нимъ. Тоже святого нашли, истерички несчастныя!

— Ты... ты... (пѣна показалась на губахъ разъяренной императрицы). Ты... осмѣливаешься колоть мнѣ глаза Гришкой? А ты самъ развѣ ..

Вотъ тебѣ и историческій разговоръ!

Вотъ тебѣ и помазанники Божіи...

Да вѣдь это типичная ссора Флегонта Чайкина съ супругой по поводу того, что директоръ департамента устроилъ ему, Чайкину, жестокую головомойку за легкомысленное отношеніе къ дѣлу.

Лежу я теперь ночью съ открытыми глазами и думаю:

— Что если сбрить ему бороду, измѣнить форму усовъ да и послать его въ Челябинскъ въ качествѣ чиновника контрольной палаты. Падутъ ли ницъ челябинцы передъ этимъ помазанникомъ? Что будетъ дѣлать этотъ самодержецъ? Да, Господи Боже ты мой! Будетъ дѣлать то, что свойственно его ординарной тривиальной чиновничьей натурѣ: по буднямъ днямъ ходить на занятія, по воскресеньямъ составлять пульку съ Флегонтомъ Ивановичемъ и Василиемъ Петровичемъ, а жена въ это время за чайнымъ столомъ, сидя съ Макридой Афанасьевной, долго и горячо будутъ обсуждать достоинства и недостатки соборнаго дьякона Среброгласова.

Сыночекъ Алеша подойдетъ къ столу и скажетъ:

— Мамаша, можно взять сардиночку?

— Нельзя. Подожди, когда гости начнутъ коробку. А то рядъ испортишь...

* * *

Около двухъ десятковъ лѣтъ правила нами, умными свободными людьми, эта мѣщанская скучная чета...

Кто допустилъ?

И всѣ молчали, терпѣли и даже распѣвали иногда во все горло «Боже, царя храни».

Кто допустилъ это безобразіе и всероссійскую насмѣшку надъ нами?

Кто допустилъ?

Ай-я-яй.

Аркадій Аверченко.

САМОУБІЙЦА.

„На прогулкѣ б. министръ Протопоповъ заявилъ конвойному, что, будь у него револьверъ, онъ покончилъ бы съ собою. Когда же солдатъ предложилъ помочь ему въ этомъ, самоубійца поднялъ крикъ“.
„Живое Слово“.

Дремлютъ крѣпости проулки,

Иней серебрится...

Протопоповъ на прогулкѣ

Хочетъ застрѣлиться...

— Я усталъ отъ царскихъ этикъ,

Давить сердце драма...

Эхъ, достать бы пистолетикъ, —

Въ лобъ бы бацнулъ прямо...

Отвѣчалъ солдатъ на это,

Глядя какъ-то строже:

— Это мы безъ пистолета

Очень просто можемъ...

Наберитесь только духу,

И, скажу безъ лести,

Побѣдите коль — какъ муху

Уложу на мѣстѣ.

Есть и время помолиться —

Тихо какъ повсюду...

Но... кричитъ самоубійца:

— Дяденька!.. не буду...

Дремлютъ крѣпости проулки,

Вечеръ сталъ спускаться...

Кто-то плакалъ на прогулкѣ:

— Не-е хочу... стрѣляться!

Сергій Михѣевъ.

Какъ представляли себѣ русскіе люди нѣмецкихъ шпионовъ и каковы они были на самомъ дѣлѣ...

ВЪРНЫЙ ПУТЬ.

(Вступительное слово, прознесенное на торжестве ремонта
Петропавловской крепости.)

Передо мной рядъ цѣннѣйшихъ документовъ. Всѣ они уже опубликованы въ газетахъ, всѣ сдѣланы общественнымъ достояніемъ, но никто еще не догадался использовать ихъ, какъ матеріалъ для руководства къ практической жизни. Я намѣтилъ себѣ небольшую цѣль — систематизировать факты въ такомъ порядкѣ, чтобы, въ концѣ концовъ, дать ихъ въ видѣ краткаго руководства для лицъ, желающихъ получить министерскій портфель въ странахъ съ самодержавнымъ правленіемъ.

Лицамъ, указавшимъ мнѣ правильный путь для умозаключеній, авторамъ разоблаченій, а также многимъ изъ великихъ князей, приношу искреннюю благодарность.

Первый визитъ человѣка, пожелавшаго стать министромъ, долженъ быть отданъ представителю китайской хирургіи въ столицѣ магистру Ли-чи-ну.

Смокингъ, бѣлыя перчатки и небольшой мистицизмъ въ глазахъ только помогутъ настоящей цѣли визита.

— Здравствуйте, Ли-чи-ну! — обращаетесь вы къ китайцу черезъ переводчика. — Я слышалъ о вашихъ хирургическихъ способностяхъ и хотѣлъ бы испробовать ихъ на собственной печени.

— Господинъ введенъ въ заблужденіе, и я не смѣю коснуться его уважаемой печени, — немного смутится китаецъ, — я лѣчу укропомъ отъ подагры.

— Кромѣ того онъ торгуетъ краденымъ, — нерѣшительно вставить квартирная хозяйка китайца, — и у него есть помощники.

Это первое испытаніе на вашемъ пути, и не слѣдуетъ смущаться маленькими препятствіями. Спокойно и твердо настаивайте на своемъ.

— Прошу васъ вылѣчить меня укропомъ. Переводчикъ, скажите этому китайцу: или онъ меня лѣчитъ, или я выкину его изъ Петрограда.

Китайцы отличаются любовью къ осѣдлости, и Ли-чи-ну начинаетъ васъ лѣчить безболѣзненнымъ методомъ: беретъ пять рублей и присылаетъ сушеныхъ кореньевъ на домъ. Отъ нихъ пахнетъ іодоформомъ и мокрымъ бѣльемъ, и кухарка отсылаетъ ихъ къ празднику въ деревню роднымъ.

Послѣ этого вы появляетесь на великосвѣтскомъ вечерѣ и на вопросъ хозяйки дома, какъ ваше здоровье, отвѣчаете уклончиво:

— Укропъ лучшій другъ организма.

При господствующемъ въ великосвѣтскомъ обществѣ тяготѣніи къ таинственности и предсказаніямъ на будущій высокосный годъ, своимъ отвѣтомъ вы невольно поднимаете настроеніе.

Престарѣлый князь ходитъ за вами по пятамъ и горько жалуется:

— У меня тоже организмъ, но у меня нѣтъ укропа.

Это хорошее черноземное слово начинаетъ переноситься изъ одного конца залы въ другой.

— Нѣтъ, вы должны разсказать... Вы не имѣете права... Бяка, гадкій...

— Господа, — съ ужасомъ въ голосѣ отмахиваетесь вы, — чтобы я разсказалъ вамъ всю правду? О, нѣтъ... Чтобы я выдалъ адресъ китайскаго магистра Ли-чи-ну, живущаго по Надеждинской въ домѣ № 29 и лѣчащаго укропомъ? Да никогда! Лучше повѣсьте меня на раскаленномъ желѣзѣ... О, нѣтъ...

Съ этого момента ваша судьба въ рукахъ китайскаго магистра Ли-чи-ну.

На другой день двѣ особы, одна средне-поставленная мужскаго пола и другая высокопоставленная — пола женскаго — приѣзжаютъ въ бѣдную квартиру китайца.

— У васъ, кажется, здѣсь лѣчатъ укропомъ?

— У насъ все здѣсь дѣлаютъ, — дипломатически освѣдомляетъ дворникъ, — кому что хотца.

— Веди къ китайцу.

Ли-чи-ну, уже обезпеченный на двѣ недѣли спокойной буржуазной жизни вашими пятью рублями, держится спокойно и просто.

— Твоя давай моя сто рублей, моя давай твоя укропъ.

На пакетикъ съ укропомъ объясненіе, какъ имъ поль-

зоваться: крути-верти, сверхъ головы клади, раздѣнься нагой, пристукни ногой.

Такое сверхнормальное обращеніе съ несложнымъ медицинскимъ препаратомъ быстро завоевываетъ симпатіи великосвѣтскаго общества, и слава Ли-чи-ну начинаетъ расти. У воротъ его дома нетерпѣливо уже бьютъ копытами лошади придворныхъ дамъ и съ завистью смотрятъ на нихъ автомобили.

Слава Ли-чи-ну достигаетъ придворныхъ сферъ, гдѣ вообще съ интересомъ присматриваются къ нуждамъ населенія. Въ одинъ ненастный вечеръ, когда Ли-чи-ну съ восточной аккуратностью укладываетъ перекупленное у пріятелей-хипесниковъ добро въ сундуки, за нимъ приѣзжаетъ карета, и его увозятъ въ Царское Село.

По дорогѣ Ли-чи-ну осторожно орѣзываетъ ножичкомъ куски бархата съ сидѣнья и наскоро напоминаетъ нѣсколько изреченій своего двоюроднаго брата-разносчика, которыя при случаѣ можно выдать за слова Конфуція.

Въ дворцовой пріемной его встрѣчаетъ кто-нибудь изъ очередныхъ тобольскихъ конокрадовъ въ поддевкѣ, въ сапогахъ бутылками и ласково спрашиваетъ:

— Укропомъ лѣчишь, братецъ?

— Укропомъ, укропомъ — кизааетъ головой Ли-чи-ну.

— И хорошій у тебя укропецъ, братикъ?

— Шибко хороса, шибко...

— А ты по-русски, чортъ косатый, говоритъ не хочешь? — неожиданно спрашиваетъ человѣкъ въ поддевкѣ.

Чувствуя, что разговоръ принимаетъ дѣловой характеръ, Ли-чи-ну сплевываетъ на полъ и сзади.

— Могу. А ты кто здѣсь такой?

— Свой человѣкъ, братикъ. Свой, свой. И ты своимъ будешь. Здѣсь нашего брата любятъ... Во какъ любятъ!

Здѣсь не за чѣмъ раскрывать тайну профессиональнаго разговора двухъ чужихъ людей. Формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ является соглашеніе для содѣлываемой работы: Ли-чи-ну привезетъ съ собой въ слѣдующій разъ большой мѣшокъ укропа и одного человѣка, излѣченнаго имъ. Человѣкъ, привезенный Ли-чи-ну, будетъ разсказывать, какъ у него отъ укропа прошелъ ревматизмъ, результаты давнишней кори, нѣсколько пустяковыхъ женскихъ болѣзней, а человѣкъ въ поддевкѣ будетъ стоять въ сторонѣ и подтверждать:

— Голосъ мнѣ былъ, что отъ укропа и управлять страной легче... Ба-а-льшой голосъ былъ...

Ваша судьба рѣшена. Ли-чи-ну беретъ васъ со собой въ Царское Село и уже въ автомобиль предупреждаетъ:

— Моя твоя давай... Однимъ словомъ, гони триста рублей и ни копейки меньше.

Итакъ, вы уже во дворѣ.

Присутствіе посторонняго человѣка въ визиткѣ, который ничѣмъ не занятъ и проявляетъ всѣ признаки жизнеспособности — ходитъ, кланяется, разсказываетъ, — начинаетъ всѣхъ волновать.

— Этому человѣку необходимо дать работу.

— Дадимъ, дадимъ — успокаиваетъ человѣкъ въ поддевкѣ, — министромъ будешь. Тамъ иностраннаго коннозаводства, или внутренней морской, а ужъ министромъ будешь...

— Какъ вы сюда попали? — спрашиваетъ васъ кто-то изъ высокопоставленныхъ.

— Такъ, что они съ укропомъ вмѣстѣ, который господинъ Ли-чи-ну привезли...

— А что вы умѣете?

— Этотъ все умѣетъ. У-умный, — выступаетъ за васъ человѣкъ въ сапогахъ бутылками, — и предсказатель опять же. Смотритъ это въ окно да какъ скажетъ: а завтра, говоритъ, снѣгъ будетъ...

— Ну и что же?

— Завтра и будетъ. Большой умъ. Государственный.

— А анекдоты знаете?

Тутъ ужъ ваша очередь не зѣвать.

— Анекдоты? — радостно отзывается вы. — Я? Можно сказать любимецъ мѣстнаго района... Повели разъ вѣшать одного еврея. Идетъ это онъ и кричитъ-кричитъ...

Второй анекдотъ изъ жизни того же еврея передъ повѣшеніемъ. Нравится окружающимъ еще больше.

— Цыцъ, ты, — одергиваетъ васъ человѣкъ въ поддевкѣ, — ты еще третьяго не разскажи... А то глядишь въ премьеры пробьешься, а у меня въ премьеряхъ свой человѣкъ сидитъ... Заткнись на второмъ...

Нужно ли говорить, что портфель министра внутренних дѣлъ для васъ уже не является пріятной неожиданностью, тѣмъ болѣе, что газеты уже въ теченіе двухъ недѣль послѣ вашего визита съ китайскимъ магистромъ въ Царское Село — начинаютъ утверждать опредѣленно и вѣсно:

— Слухи о назначеніи С. И. Перехунина на отвѣтственный постъ подтверждаются. С. И. Перехунинъ кончилъ гимназію въ Дерягинѣ. Свободно читаетъ и пишетъ по-русски. Извѣстенъ, какъ рыболовъ, — любитель и ветеринарецъ.

Такъ дѣлается съ небольшой затратой времени и энергии карьера министра. Если кто-либо изъ собравшихся здѣсь пожелаетъ мнѣ возражать, очень прошу опираться на достовѣрные документы, такъ какъ — о чемъ я уже упоминалъ въ началѣ — все сообщенное мной построено исключительно на тѣхъ показаніяхъ заинтересованныхъ лицъ, которыя уже сдѣлались достояніемъ общественности. Я кончилъ.

Арк. Буховъ.

НОВЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Чернаго кобеля не отмоешь докрасна.

* * *

Отстрѣляль, да и съ колокольни долой.

* * *

Пролетаріи-монархи всѣхъ странъ, — соединяйтесь!

* * *

Паны дерутся, а у хлопцевъ троны трещать.

Волкъ.

СЕКРЕТНЫЙ ФОНДЪ.

(Иллюстраціи къ газетной хроникѣ.)

Вы, всѣ перечисленные ниже, — уже покойники. Вы мрачный вчерашній день, который никогда не вернется. Вотъ почему признали мы за благо съ благоговѣйной почтительностью воткнуть въ ваши уважаемыя спины прилагаемый осиновый колъ. Да будетъ вамъ земля обойными гвоздиками!

1.

Къ начальнику охраны приходилъ депутатъ Крупенскій. Черное визитное платье, внѣшность торжественная, но непринужденная.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Привѣтъ, господинъ депутатъ. Что новенькаго?

— Новое деньги стоить.

— Деньги къ деньгамъ, какъ говоритъ пословица. А другая пословица указываетъ, что коту въ мѣшкѣ не покупаютъ. Раскройте мѣшочекъ — покажите кота.

Вмѣсто мѣшка Крупенскій открываетъ хорошей шагреновый бумажникъ и вынимаетъ не кота, а записку членовъ Государственной Думы. Начальникъ охраны внимательно пересчитываетъ записку.

— Что? Хороша штука?

— Да... Ударная, можно сказать, вещь.

— Бочку прикажете принести?

— Зачѣмъ? Какую бочку?

— А это у насъ на югѣ такъ говорятъ — деньги на бочку, садись подъ кочку.

— А!.. Пожалуйста, пожалуйста... И бочку и кочку. Соболаволяте расписаться.

Крупенскій расписывается, пересчитываетъ бумажки и, вѣжливо попрощавшись, выходитъ изъ кабинета. На улицѣ ему становится весело, радостно, ликующе.

— Нѣтъ, я еще на что-нибудь гоюсь!.. Дуракъ Пуришкевичъ, какимъ нелѣпымъ прозвищемъ меня окрестилъ... И почему по-польски? Я русскій человекъ и инородческихъ жаргоновъ не понимаю.

Солнце смѣялось.

2.

— Вы хотите у насъ работать?

— Да.

— Ваши убѣжденія?

— Семьдесятъ пять въ мѣсяць, и ни одной копейки меньше.

— Ваши убѣжденія слишкомъ крайнія.

— Я анархистъ... Меньше не могу.

— Сорокъ.

— Тогда только свѣдѣнія?

— Великолѣпно. Вы будете называться «Кашалотъ». Напишите расписку.

— До января я согласенъ по сорокъ, а тамъ ужъ будьте любезны, что-нибудь накинуть.

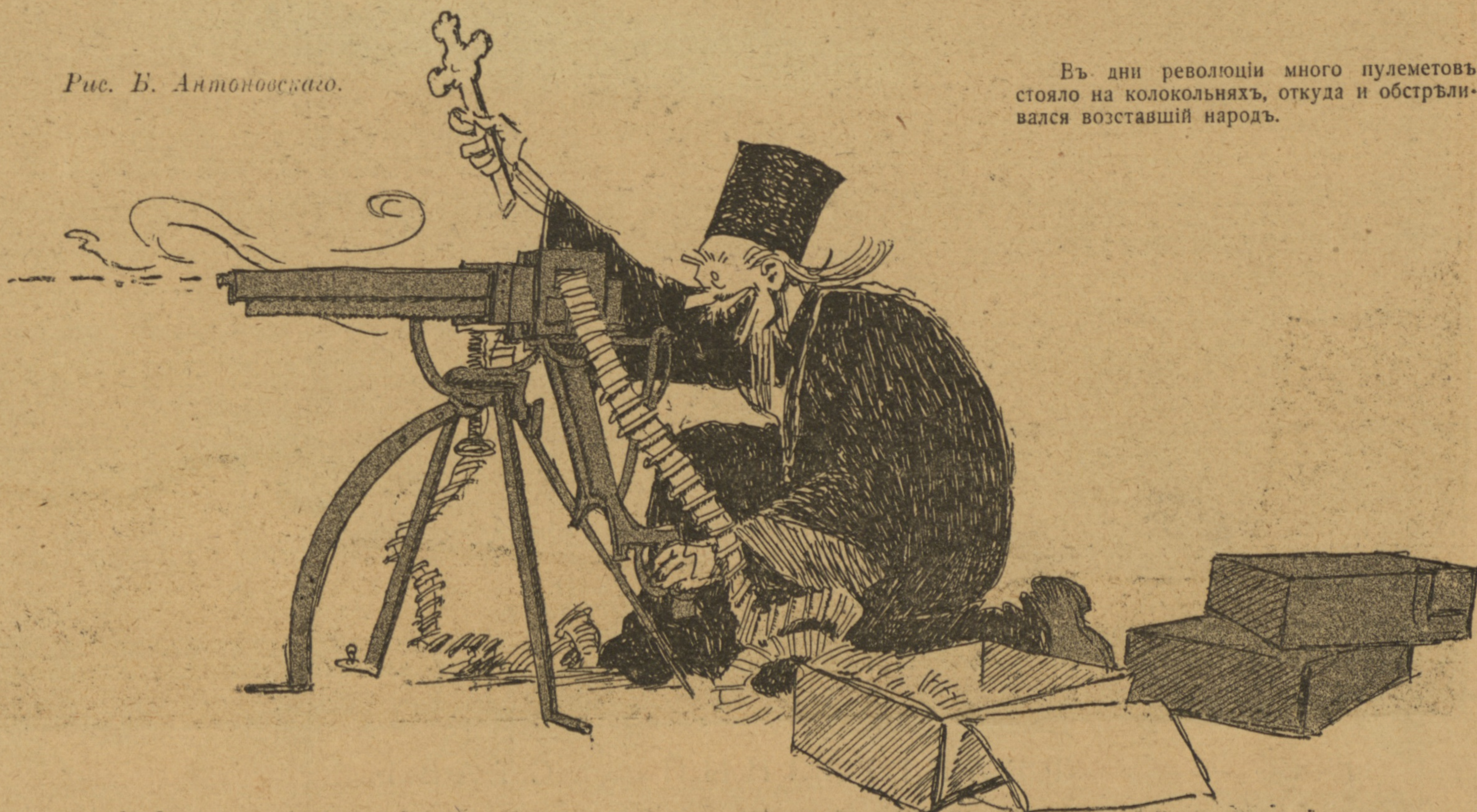
Получаетъ деньги, подписывается и уходитъ. На порогѣ останавливается и говоритъ начальнику.

— Да, — за центральную боевую двѣ красненькихъ прибавить надо.

3.

Ржевскій входитъ развязно, кокетливо сбдергивая болгарскій военный мундиръ, на минуту задерживается у зеркала и шумно опускается въ кресло.

Рис. Б. Антоновскаго.

Въ дни революціи много пулеметовъ стояло на колокольняхъ, откуда и обстрѣливался возставшій народъ.

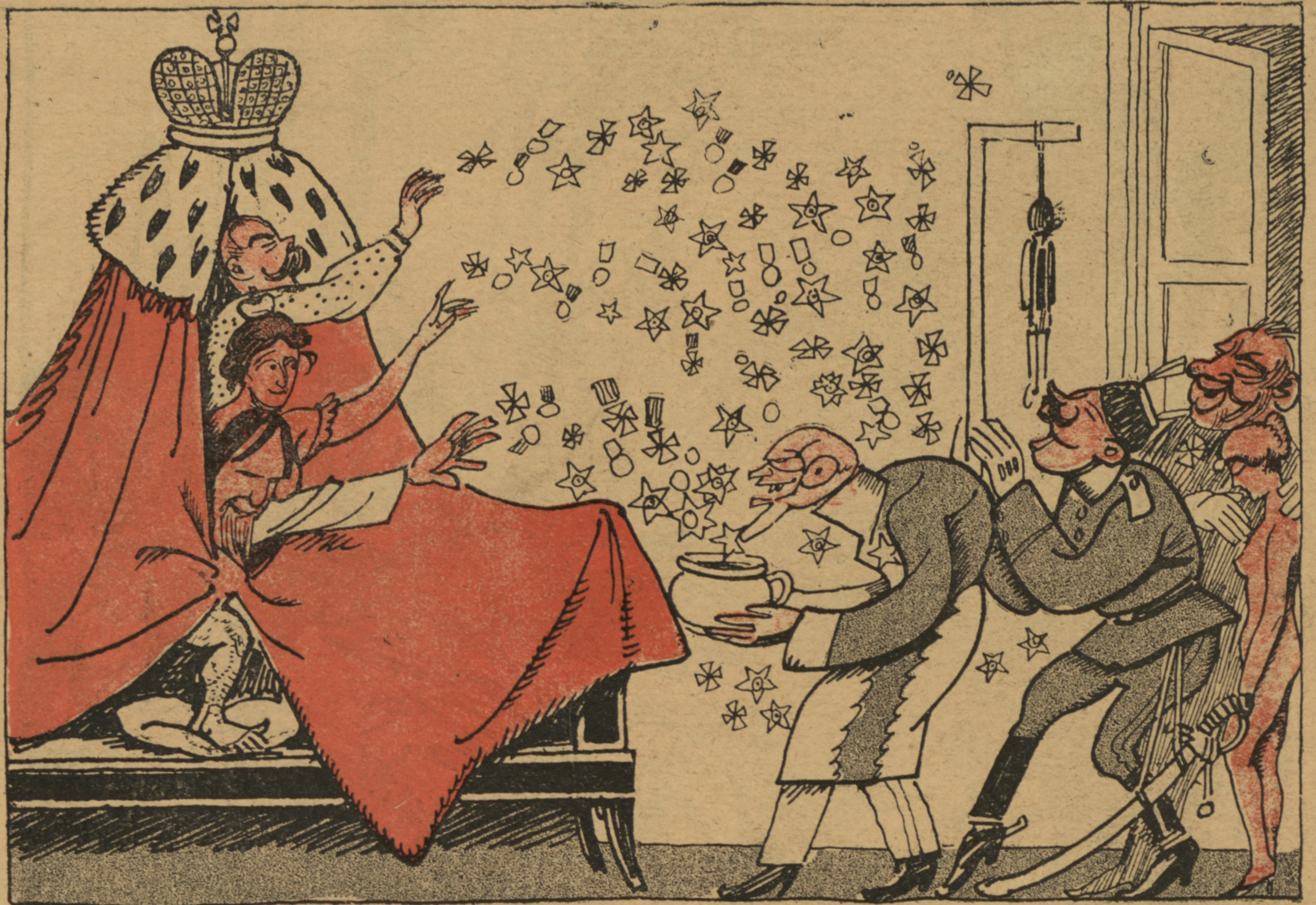
ОДИНЪ ИЗЪ „БАТЮШЕКЪ“.

— Мы привыкли смирять народъ „этимъ“ или „этимъ“!

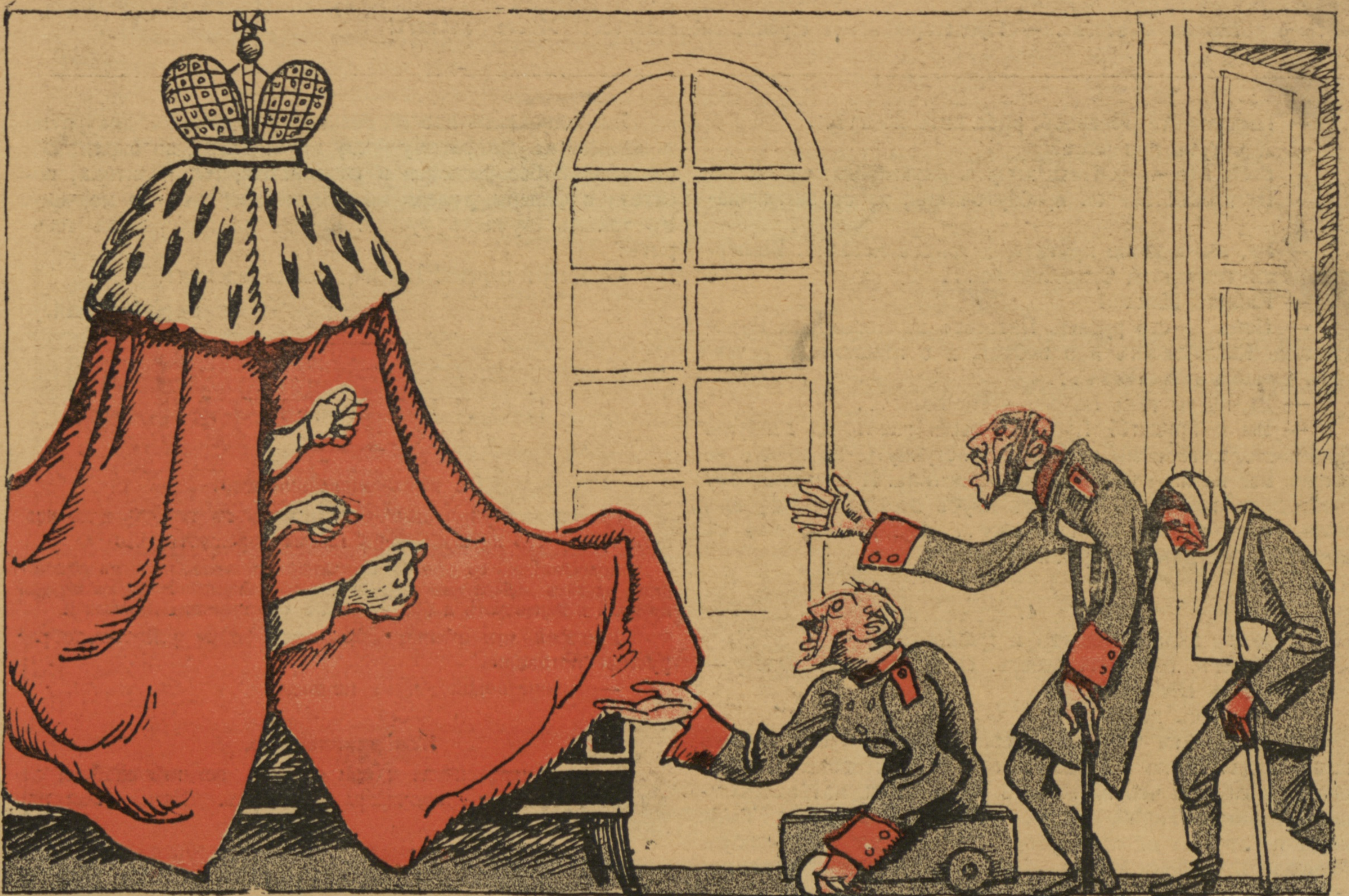

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТАЗЪ.

— Какое у нихъ умиленное выраженіе въ глазахъ... Какое чувство восторга написано на ихъ лицахъ!..
— Еще бы, развѣ ты не видишь что она у иконъ золотыя, усыпанная брилліантами.

ОНИ НАМЪ НУЖНЫ.

А ЭТИ НАМЪ НЕ НУЖНЫ.

Нѣмецкій эсдекъ. — Пролетарин всѣхъ странъ, соединяйтесь! Мѣста хватить!

— Послушайте, генераль, рыба пить хочеть!
 — А я тутъ при чемъ?
 — Рыба это — я. Пить хочу я. Деньги платите вы.
 — Шутникъ! Все съ прибауточками, да съ загадочками...
 — Ну, вы вола не крутите, а гоните металл. Во-первыхъ, пять поповъ за Сухомлинова...
 — Какихъ поповъ?
 — Попъ — сто рублей. Пятьсотъ цѣлковыхъ за Сухомлинова. Какъ-никакъ и о побѣдѣ, и о нѣмцахъ, и о всякихъ другихъ сюжетцахъ...
 — Да, но вы такъ скомпрометированы...
 — Вы о Гришкѣ? Пустяки. Былъ планъ, да лопнулъ. Понимаете, хотѣли мы папаньку пристукнуть, но ничего не вышло. Все каналья Симоновичъ испортилъ. И чего было ему соваться въ это дѣло? Мечи въ клубъ отвѣты на здоровье. Нѣтъ, тоже полѣзь въ политику... Ну, некогда мнѣ съ вами болтать. Давайте аржанъ кантанъ.

4.

Марковъ входитъ весело и граціозно.
 — Денегъ, генераль, денегъ. Полцарства за монету, — какъ сказалъ Шекспиръ.
 — Въ чемъ дѣло?
 — Газетъ не читаете. А еще охраннымъ отдѣленіемъ называетесь. Ловко я Родзянку отбрилъ? Подошелъ къ кафедрѣ да самими что ни на есть російскими, матримональными словами. Такой, сякой... Это стоитъ дорого. Такія вещи по случаю не продаются. Это вамъ не какой-нибудь Мануйловъ «о бонъ марше». Это дѣло серьезное, политическое. Раскрывай ворота!
 Генераль раскрываетъ ворота и платитъ деньги, не скрывая любопытства и почтенія.

Вы, получавшіе изъ секретныхъ фондовъ, вы, аккуратно являвшіеся къ двадцатому числу въ отдѣленіе по охранѣ общественной безопасности и спокойствія, вы, политики, писатели и филеры, теперь вы пріяли безвременную кончину. Въ такихъ случаяхъ русскій народъ на похоронахъ говорить:

— Умеръ парень! Подлецъ былъ человекъ.

Бор. Мирскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Въ вѣкъ электричества.

Иногда и первыя ласточки летаютъ съ тяжестью домашняго гуся. По крайней мѣрѣ газеты передаютъ, что прибывающіе съ фронта делегаты передаютъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствующей арміи лишь 17 марта получились первыя извѣстія о переворотѣ и объ отреченіи отъ престола Николая II.

Думаемъ, что именно здѣсь всего болѣе уместна добрая русская поговорка:

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Ихъ развлечения.

Были случаи, когда и при старомъ режимѣ свобода союзовъ проводилась явочнымъ порядкомъ. Такъ, среди придворныхъ кружковъ.

на ряду съ теософическимъ кружкомъ, въ 1915 году въ Петреградѣ возникаетъ подъ руководствомъ того же Бадмаева общество «Веселый пистонъ».

Программа этого общества чрезвычайно разнообразна. Немножко теософіи, немножко пѣнія и музыки но, главнымъ образомъ, форменныя вакханаліи со жрицами свободной любви, стоящія безумныхъ денегъ ихъ устроителямъ — главарямъ общества.

Въ болѣе ранній періодъ русской жизни такія квартирки, гдѣ было немножко пѣнія и много жрицъ свободной любви, назывались нѣсколько иначе, чѣмъ „Веселыми пистонами“ и приводили къ другимъ результатамъ: посѣтителі оттуда попадали прямо въ участокъ, а не на министерскіе посты.

Сами ужъ какъ-нибудь...

Въ быту очень часто можно увидѣть симптоматическую надпись на воротахъ:

— Маклаковъ просятъ не являться.

На великихъ воротахъ Россіи тоже хорошо бы вывѣсить большой плакатъ:

— Варяговъ просятъ не беспокоиться.

А то уже, несмотря на отсутствіе спроса, предложенія начинаетъ поступать.

Въ палатѣ общинъ:

Отвѣчая на вопросъ, отправится ли въ Россію коммиссія, изъ интеллектуальныхъ вождей Англій, чтобы содѣйствовать упроченію тамъ свободы и порядка и болѣе производительности труда, лордъ Робертъ Сесиль отвѣтилъ, что правительство готово сдѣлать все, что въ его власти, дабы содѣйствовать упроченію въ Россіи свободы и порядка, но слѣдовало бы взвѣснить, можетъ ли достигнуть этой цѣли посылка такой коммиссіи.

Мерси. Уже выросли.

Уважительная причина.

Оказывается, что и повѣщенный шпионъ Мясоѣдовъ, слѣдуя предначертанію изъ Берлина, тоже хотѣлъ спасти Россію.

На допросъ онъ подѣлился съ судьями цѣлымъ рядомъ своихъ патріотическихъ соображеній.

— Въ чемъ, собственно, вы меня обвиняете? Я состоялъ шпиономъ въ пользу Германіи. Организовалъ цѣлыя сѣти шпионажа, добывалъ всякіе матеріалы военно-секретнаго матеріала въ пользу Германіи. И дѣлалъ я это сознательно. Почему я это дѣлалъ сознательно, для меня ясно, а для васъ неясно. Я сознаю, что гидра революціи уже проникла и въ армію. Германія же оплотъ монархизма. Я люблю своего царя и преданъ ему, и вотъ, опасаясь что императоръ Николай можетъ лишиться трона, я стремился, чтобы Германія одержала побѣду, и, такимъ образомъ, могущественный монархъ императоръ Вильгельмъ сумѣетъ окъ зать должную, необходимую поддержку императору Николаю. Революція, несомнѣнно, будетъ подавлена. Я больше всего опасался побѣды Россіи, ибо отъ побѣды зависѣла бы судьба ея монарха. Несомнѣнно, въ случаѣ побѣды, монархическая Россія превратилась бы въ республику. Этому я не могъ сочувствовать.

Интересно отмѣтить, что при старомъ порядкѣ всѣ мерзавцы отговаривались слабоуміемъ, или монархизмомъ.

За исключеніемъ Мясоѣдова, послѣдній методъ спасенія признавался судомъ, кажется, даже безъ медицинской экспертизы, чего, несомнѣнно, требовалъ способъ первый.

Искусство управлять.

Денщикъ изъ стараго анекдота, путавшійся въ двухъ двугривенныхъ и не знавшій, на какой купить хлѣба, а на какой масла, поступалъ все же правильнѣе бывшаго генераль-губернатора Москвы Сергѣя Александровича: онъ, по крайней мѣрѣ, никого не высылалъ по ошибкѣ. Столь же сообразительный Сергѣй Александровичъ поступалъ иначе. Какъ рассказываетъ одна газета — передъ пріемомъ просителей, начальникъ канцеляріи Истоминъ однажды сказалъ великому князю:

— Видите, ваше высочество, на лѣвой сторонѣ купчина съ сѣдой бородой?

— Вижу.

— Это извѣстнѣйшій благотворитель Садовниковъ, вы съ нимъ помягче. А рядомъ высокій, — это ростовщикъ изъ ростовщиковъ, кровопійца Козихинъ. Мы его высылаемъ, онъ навѣрное будетъ просить васъ о снисхожденіи, но вы съ нимъ построже.

Выйдя къ просителямъ, Сергѣй протянулъ руку ростовщику, крѣпко пожалъ его руку и ласково молвилъ:

— Благодарю васъ за вашу дѣятельность.

Благотворителю же онъ погрозилъ перстомъ и строго сказалъ

— Въ Архангельскую губернію, не одяй!!!

Истоминъ отъ этой пуганицы волосы на себѣ рвалъ.

Не думаемъ, чтобы жители Москвы не послѣдовали истоминскому примѣру и не стали рвать на себѣ волосы.

Къ сожалѣнію, этотъ способъ протеста былъ единственнымъ въ распоряженіи населенія. Что называется: дежурное блюдо. Вотъ отъ такого то питанія самый мирный человекъ десять лѣтъ подъ кроватью прячется, а на одиннадцатый — безъ краснаго знамени и на улицу не покажется.

ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ.

Докторъ Бурдье былъ приглашенъ къ очаровательной m-ше Жоржъ. У артистки болѣло плечо. Докторъ велѣлъ ей разстегнуться и долго и очень внимательно мять руками одно изъ лучшихъ плечъ Франціи. Затѣмъ онъ прописалъ какое-то втираніе, подошелъ къ умывальнику, сплюснулъ руки и удалился.

На слѣдующій день докторъ Бурдье явился опять. M-ше Жоржъ уже лежала въ постели. Положивъ шляпу на столъ, докторъ направился было къ постели больной, но m-ше Жоржъ его остановила:

— Докторъ, если вамъ все равно, вымойте руки... раньше.

Драматургъ Тиссо женился на вдовѣ, очень красивой женщинѣ. Была пышная свадьба, веселый обѣдъ.

Послѣ обѣда, прощаясь, журналистъ Рубье ударилъ своего друга Тиссо по плечу и сказалъ ему смѣясь:

— Такъ у тебя, значитъ, сегодня премьера. Прекрасная премьера.

— Премьера? — возразилъ Тиссо. — Нѣтъ... первый разъ по возобновленіи.

15 апрѣля 1764 года скончалась маркиза де-Помпадуръ. Она дождалась послѣдняго своего часа со спокойствіемъ и выдержкой поистинѣ стоическими.

За нѣсколько минутъ до ея смерти кюрэ ея прихода, пришедшій навѣститъ ее, сталъ прощаться съ ней.

— Подождите минуточку, господинъ кюрэ, — сказала умирающая. — Намъ, правда, не по дорогѣ, но мы выйдемъ вмѣстѣ.

Въ 1643 г. Сень-Прейль, руководившій осадой Арраса, призвалъ къ себѣ своего адъютанта Курселя и сказалъ ему:

— Мнѣ сегодня ночью пришелъ въ голову планъ, при помощи котораго мы можемъ легко овладѣть Аррасомъ. Вы переодѣнетесь крестьяниномъ и отправитесь съ корзиною фруктовъ въ городъ, на рынокъ. Тамъ вы побудете на рынкѣ, потолкаетесь, затѣмъ вы затѣете ссору съ какимъ-нибудь тамъ покупателемъ или торговцемъ и убьете его ударомъ кинжала. Дайте себя спокойно арестовать. Власти разсмотрятъ ваше дѣло и, конечно, приговорятъ васъ къ повѣшенію.

Вы знаете, что въ Аррасѣ принято производить казни не какъ у насъ, въ Амьенѣ, на площади, а непременно за городомъ. Вотъ на этомъ-то и основанъ мой планъ. Я посажу засаду около воротъ, изъ которыхъ васъ выведутъ на казнь. Я самъ буду ею командовать, и какъ только они займутся постановкой висѣлицы, мои молодцы овладѣютъ воротами. А немножко подальше у меня будетъ большой отрядъ. Мы освободимъ васъ, закрѣпимъ за собой ворота — и Аррасъ нашъ. Что вы на это скажете? Каковъ планъ?

— Планъ хорошъ, — сказалъ Курсель, — но я долженъ все-таки немножко подумать.

— Подумайте. А завтра вы мнѣ скажете ваше рѣшеніе.

На слѣдующій день Курсель явился къ Сень-Прейлю и сказалъ ему:

— Вашъ планъ мнѣ нравится все больше и больше. Это дивный планъ, и успѣхъ его внѣ всякаго сомнѣнія. Но знаете ли, что? Я буду командовать засадой, а вы пойдете въ городъ.

Рашель дала однажды своему швейцару приказъ говорить всѣмъ, что ея нѣтъ дома. Вечеромъ, докладывая своей госпожкѣ о лицахъ, пріѣзжавшихъ въ теченіе дня, швейцаръ упомянулъ и г. де Морни, къ которому Рашель относилась далеко не равнодушно.

— И вы сказали ему, что меня нѣтъ? Я вѣдь вамъ тысячу разъ говорила: какія бы распоряженія я вамъ ни отдавала, для г. де Морни я всегда дома.

На слѣдующій день, въ отсутствіе Рашели, пріѣзжаетъ опять де-Морни.

— Барыня дома?

— Пожалуйте, дома!

Де Морни поднимается наверхъ. Ждетъ, бродитъ по комнатамъ, заходитъ даже въ спальню Рашели и, конечно, не находитъ ее нигдѣ.

Онъ спускается внизъ и говоритъ швейцару:

Б И Р Ж Е В А Я И Г Р А Н И К О Л А Я ІІ.

Рис. В. Лебедева.

Игра на повыше́ніе.

Кулиса́ падае́тъ.

Паденіе цѣнностей.

Вышелъ въ тиражъ.

Дезинфек-
ционная камера
при

„НОВОМЪ САТИРИКОНЪ“.

Принимается въ чистку любое
платье (порфиры, генеральскіе мун-
диры и пр.) Выколачиваніе пыли.
Удаленіе грязи. Пылесосы. Выве-
деніе насѣкомыхъ.

Да здравствуетъ чистота!
Да здравствуетъ Свѣтлая
Республика!

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

республиканскій журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1917 годъ

„Новый Сатириконъ“.

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками
и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „ВСЕЛЕННАЯ
и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполнены по способу
трехцв. печати,

А ИМЕННО:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.
2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочн.
медальон.) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на одинъ годъ безъ доставки 10 руб.,

съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 р., на 1/2 года — 5 р. 50 к., на 1 мѣс. — 95 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій 64. Тел. 644—56.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: „Новый Сатириконъ“.

А ПОСТОЛЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Солдатъ: — А что же вы, товарищи, насчетъ войны постановили?

Эсдекъ-большевикъ: — А мы теперь хотимъ предложить нѣмцамъ, чтобы и они у себя 8 часовой рабочей день ввели. Чтобы, значить, драться, такъ на равныхъ условіяхъ.

— Послушайте, вѣдь барыни, повидимому, нѣтъ дома?
— Совершенно вѣрно, ея нѣтъ. Но для васъ она всегда дома.

Г. де-Фьёбэ возвращался съ аббатомъ Мурэ, послѣ прогулки, въ свой замокъ. Было темно. Въ глухомъ углу запущеннаго парка на нихъ напали воры и обчистили ихъ карманы. Когда воры удалились, аббатъ съ торжествомъ показалъ г. де-Фьёбэ часы, которые ему какимъ-то чудомъ удалось спасти отъ воровъ.

— Какъ вы ихъ сохранили? — спросилъ Фьёбэ.

— А я, — отвѣтилъ довольный своей находчивостью аббатъ, — зажалъ ихъ въ рукѣ, пока они шарили у меня въ карманахъ.

— Господа! — закричалъ де-Фьёбэ, обращаясь къ ворами, которые не успѣли еще далеко отойти. — Господа! Этотъ пройдоха аббатъ зажилить у васъ часы.

Воры вернулись, и аббату пришлось проститься съ часами.

Микель-Анджело въ картинѣ, изображающей адъ, помѣститъ среди грѣшниковъ, горящихъ въ адскомъ пламени, одного кардинала, котораго онъ не долюбливалъ. Кардиналъ пожаловался Леону X. Папа попросилъ художника измѣнить эту часть его картины, но Микель-Анджело былъ непреклоненъ.

— In inferno nulla redemptio, — былъ его отвѣтъ.

— Ничего не могу для васъ сдѣлать, — сказалъ Леонъ X. кардиналу. — Если бы онъ васъ помѣстилъ въ чистилищѣ: другое дѣло, на чистилище моя власть распространяется. Но вѣдь вы знаете, что я не распоряжаюсь въ аду.

Студентъ-медикъ экзаменовался у профессора Лагранта.
— Какъ вы поступите, если вамъ нужно, чтобы больной хорошенько пропотѣлъ? — спросилъ профессоръ.

— Я дамъ ему сильное потогонное.

— Напримѣръ?

— Горячій чай, малину, липовый цвѣтъ.

— Ну, а если это не подѣйствуетъ?

— Я прибѣгну тогда къ помощи летучихъ маселъ, ээира...

— А если этого будетъ недостаточно?

— Я попробую ртутные препараты, доверовъ порошокъ!

— И если дѣйствія все-таки не будетъ?

Лобъ студента начинаетъ покрываться крупными каплями пота.

— Я попробую примѣнить сальсапарель, шафранъ...

— А если и этого будетъ недостаточно?

— Я пошлю больного экзаменоваться къ вамъ.

Хранитель ящика Пандоры

Влад. Азовъ.

АРХЕОЛОГІЯ.

Вся работа слѣдствія и ревизій мнѣ представляется сейчасъ въ видѣ кропотливаго труда большой археологической комиссіи, напавшей на удачное мѣсто и радостно принявшей за раскопки...

— Тутъ письмо нашли къ Фредериксу: Либерь графъ! Гдѣ обѣщанное?... Судя по почерку, это юсейковской эпохи.

— Не думаю... Письмо съ такимъ же почеркомъ найдено среди развалинъ Санта-Охранка-Долороза и сильно на-

поминаетъ хвостовскій періодъ. Нужно спросить распутино-вѣдовъ, у нихъ есть ключъ ко всѣмъ письмамъ...

— Погодите, тамъ что-то еще нашли... Роютъ. Ну, что?

— Сейчасъ докопаюсь... Одну минуту терпѣнія... Р-разъ!.. Готово!

— Манускриптъ?

— Фолиантъ. Судя по переплету, относится къ горемыкинскимъ днямъ.

— Заглавіе, заглавіе, коллега... Не томите...

— Сейчасъ... Руководство для молодыхъ филеровъ въ свѣтскомъ обществѣ... Нѣтъ, сегодня положительно удачный день...

— Господа, тамъ что-то подъ лопатой звякнуло... Не ужели указъ о роспускѣ Думы? Тащи, тащи наверхъ... Такъ и есть — онъ...

— Послушайте, рабочій... Это что у васъ въ рукахъ? За кирпичами нашли? Давайте сюда... Господинъ секретарь, пишите: докладъ о гомельскомъ погромѣ. Эпоха виттепрабія. Памятникъ № 17. Что еще? Штюрмеровидные предметы? Осторожно — наверхъ... Для вырванія вшей? Сюда, налѣво. Пальцеломъ? Тоже сюда. Пишите: внѣшній видъ прегусный, цвѣтъ азефный, внутреннее содержаніе курлонейское...

Богъ на помощь, археологическая комиссія...

Арк. Буховъ.

РЕВОЛЮЦІЯ, КОТОРАЯ ВПЕРЕДИ.

Посвящается С. С. Рославлевой.

Вы еще не знаете чрева,
Взалкавшаго хлѣба,
Вы еще не видѣли зѣва,
Пожравшаго небо.

Это лишь острая шутка:
Красный клочъ на дворцовой оградѣ,
И проститутка,
На баррикадѣ.

Этотъ ли гнѣвъ неистовъ:
«Долой», такого царя!
И какой-то тамъ приставъ,
Разстрѣлянный у фонаря.

Такое ли пламя ярко,
Слизавшее рабѣ лоно,
Гдѣ лишь почтовая марка,
Была законна.

Это ли знамя красно?
Эта ли кровь сильна
Когда все такъ ясно,
Что чуть не заснулъ сатана

Нѣтъ, говорю я, ждите;
Въ старомъ и новомъ свѣтѣ,
Иныхъ событій,
Завтра или черезъ сто столѣтій.

Смѣнивъ все и скомкавъ безъ мѣры,
Вожакъ позовутъ:
«Милліардеры,
На судъ!»

Лондонъ, Парижъ и Вѣна,
Нью-Йоркъ, Петербургъ, Нагасаки.
Просторная будетъ арена
Для драки.

Отъ выкриковъ злобы,
Отъ топота ногъ,
Зашатаются небоскребы,
И столбы электро-дорогъ.

Вытащенные изъ дворцовъ и банковъ,
Возопятъ банкиры въ слезахъ не актерскихъ,
На кострахъ изъ вексельныхъ бланковъ,
И книгъ конторскихъ.

Библіотеки, театры, музей
Станутъ грудями жаркихъ углей.
Всѣ забавы, затѣи
Весельчаковъ богачей.

Зубы, ножъ и веревка,
Браунингъ или камень;
Въ дѣло пущены ловко,
И какъ черная птица — знамя.

Долой всѣ націи,
Долой государства;
Ветхія декорации,
Разжирѣвшаго барства.

* * *

Пока запачкано небо дымомъ отъ фабрикъ,
Пока дерзокъ смѣхъ золота и проституціи,
Пока пошлякъ усы свои фабригъ,
Нѣтъ и не было революціи!!

Пока наука обсасываетъ трупикъ мухи,
И лишь смерть диктуетъ безспорныя резолюціи,
Пока безсмертники къ поэту глухи,
Нѣтъ и не было революціи.

Пока мысли Конта или Бергсона —
Не больше, какъ чернильныя полюціи,
И Нѣкто самовластенъ, какъ во время оно,
Нѣтъ и не было революціи!!

Александръ Рославлевъ.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

РЕСПУБЛИКАНСКІЙ журналъ сатиры и юмора

„БАРАБААНЪ“

Цѣна № двадцать коп.

История Русской Революции

Рис. В. Лебедева.

